

ГЛАВА VIII

СБЫВШИЙСЯ ПРОГНОЗ

*VI Съезд народных депутатов • Консолидация
оппозиции • Президент умывает руки • Юрий Фокин
и Леонид Кучма • Мысль об отставке • Начало
приватизации • Ваучеры • Первый миллиард долларов
от МВФ • Межнациональные конфликты •
Позитивные итоги года*

ПЕРВАЯ фронтальная атака на реформы — апрель 1992 года. VI Съезд народных депутатов РСФСР.

Накануне Съезда президент проводит реорганизацию правительства. Г.Бурбулис остается государственным секретарем, но освобожден от поста первого вице-премьера. Я назначен на его место. В условиях, когда главой правительства является сам президент, это значит, что на деле ответственность за организацию всей текущей работы и за политическую защиту избранного курса ложится на меня.

Августовский шок преодолен, жестких репрессий после путча не последовало, непосредственная угроза голода и общего экономического краха отступила. Оппозиция оправилась. Теперь, по ее мнению, учитывая тяготы, которые легли на плечи народа в начальный этап преобразований, самое время как можно громче прокричать, что все было сделано против воли Съезда и Верховного Совета, сделано не так, как следовало, не так, как договаривались, нужно было мягче или жестче, быстрее или медленнее, во всяком случае по-иному, и что необходимо остановиться, а еще лучше — повернуть вспять...

Поток ругани и проклятий в адрес правительства нарастает: монетаристы разорили, продали, погубили Россию... Народный депутат, заламывая руки, оповещает с трибуны Съезда, что за три месяца гайдаровских реформ резко пошло на убыль деторождение. Обращаю внимание собравшихся на то, что в силу непреодолимых физиологических факторов

при всем желании мы никак не могли за три месяца подорвать рождаемость в России.

Внутренне большинство депутатов еще не готово взять на себя ответственность за смену курса. Слишком свежи в памяти экономические реалии недавнего прошлого и очевидна опасность, что любое резкое движение может все вернуть в исходное, а скорее, в еще более сложное положение. Но сама атмосфера Съезда, непрерывная трансляция его заседаний на всю страну, когда у каждого депутата, поднявшегося на трибуну, есть возможность посоревноваться в публичном выражении любви к народу, а заодно и оповестить избирателей, что он-то лично в их конкретных бедах вовсе не виноват, — все это, взвинчивая зал, радикализует даже умеренную оппозицию.

Практически с голоса, без обсуждения, без анализа материальных возможностей принимаются постановления, которыми правительству предписано снизить налоги, увеличить дотации, повысить зарплаты, ограничить цены. Бессмысленный набор взаимоисключающих мер.

Одновременно все громче и громче звучат требования внести в повестку дня вопрос о доверии правительству — отправить его в отставку. Председательствующий Р.Хасбулатов, умело дирижируя Съездом, ведет с помощью его тысячеголосья свою симфонию. Вопрос о доверии в повестку не включает, но делает все возможное, чтобы критика, даже самая демагогическая, постоянно звучала. Судя по всему, он еще не готов к прямой конфронтации с президентом и еще не считает, что настал момент свалить правительство реформ, но хочет, чтобы оно вышло со Съезда предельно ослабленным, деморализованным, покорным Верховному Совету, точнее, лично ему — Хасбулатову. В этом желании напугать, но пока не убивать кроется его слабость.

Президент после первого дня на Съезд не ходит, как бы дистанцируясь и от формально возглавляемо-

го им правительства, и от депутатского большинства. У некоторых моих коллег настроение, близкое к паническому. И есть от чего: сейчас нас свяжут по рукам и ногам невыполнимыми съездовскими решениями так, что мы не сможем и шелохнуться.

Угроза, бесспорно, реальная. Здесь же, в Зимнем саду Кремля, собираю правительство на срочное заседание. Предлагаю не ждать пассивно развития событий, а самым предельно обострить ситуацию, чтобы скрытая двойственность позиции Съезда стала абсолютно ясной, и тем самым поставить депутатов перед необходимостью однозначного выбора. После короткого обсуждения предложение членами кабинета принято.

Осторожней всех к моему предложению о фактическом ультиматуме с угрозой коллективной отставки отнесся Геннадий Бурбулис. Что-то в этой идее ему не нравилось, хотя контраргументов против моего тезиса о том, что в противном случае мы все равно не сможем осмысленно работать, он не приводил. Может быть, дело в том, что Геннадий Эдуардович, к этому времени намного дольше меня работавший с Борисом Ельциным, лучше его знающий, хорошо понимал: хотя и в неявной форме, но ультиматум ведь обращен не только к Съезду, но и к президенту, подталкивает его к тому, чтобы четко обозначить свою позицию. Действительно, когда зашел к президенту проинформировать его о принятом решении, было видно — идея ему явно не по душе. До VI Съезда правительство было просто командой технических специалистов, приглашенных Ельциным на работу и прикрытых его политическим авторитетом. После принятого решения оно становилось самостоятельным игроком на политической сцене. Борис Николаевич недовольно, с сомнением покачал головой, но все же принял решение членов своего кабинета как данность.

Когда окончился перерыв, я сразу же попросил слова и заявил: так как правительство не может

взять на себя ответственность за проведение политики, вытекающей из принятого Съездом постановления, оно в полном составе подает президенту прошение об отставке. Навсегда запомнил возникшую в огромном зале паузу. Мне она показалась бесконечной. Затем под сводами Кремлевского Дворца съездов прокатился многоголосый гул. Такой поворот для подавляющего большинства делегатов неприемлем. Все что угодно — только не ответственность! А ведь в случае отставки правительства ее, нелегкую, придется брать на себя.

Лидеры депутатского корпуса начинают искать пути компромисса. Они организуют совместное заседание Президиума Верховного Совета и правительства без участия Р.Хасбулатова. Решено принять Декларацию Съезда, которая будет содержать общее одобрение линии реформ, а предыдущим гневным постановлениям по вопросам экономической политики придаст характер рекомендаций.

После того как большинство Съезда запаниковало, отступило, стало ясно, что одержана пусть тактическая и временная, но несомненная политическая победа. Сергей Шахрай зашел к президенту с новой идеей — сейчас, воспользовавшись деморализацией съездовского большинства, немедленно поставить на голосование вопрос о моем формальном утверждении в качестве премьера. Все равно Ельцину придется слагать с себя эти полномочия, сегодня идеальный момент. Со мной Сергей Михайлович поделился этой идеей уже после разговора с президентом. Ельцин выслушал, сказал, что слишком рано, предложение не подготовлено и может провалиться.

Почти сразу после Съезда почувствовал: из ближнего окружения президенту настоятельно советуют окоротить возомнивших о себе реформаторов, создать дополнительные противовесы. Именно в это время начинает, как грибы после дождя, расти число отраслевых заместителей председателя правительства, возникают экзотические идеи

ликвидации правительственного аппарата. Все признаки возросшей дистанции — не явные, не выраженные, на полутонах. Личные отношения по-прежнему прекрасные, при встречах президент заверяет в твердой поддержке стратегического курса в экономической политике. Но тонко чувствующая атмосферу в верхних эшелонах власти политическая элита уже знает: правительство реформ могут ждать неприятные неожиданности. Лишь три-четыре месяца спустя, на фоне явного и быстрого ухудшения отношений между президентом и парламентским большинством, апрельский нарыв постепенно рассасывается.

Несмотря на консолидацию оппозиции, выступающей против либерализации цен на топливо и за увеличение бюджетных расходов по всем направлениям, правительство получает возможность какое-то время продолжить прежний курс. Мы снимаем еще сохранившиеся на федеральном уровне ограничения розничных цен, включая цены на хлеб. Примерно в шесть раз увеличиваем цены на топливо, причем, вопреки паническим прогнозам, на динамике инфляции это особенно не сказывается. Отменяем государственное регулирование цен на спиртное.

В мае Центральный банк по настойчивой просьбе правительства последний раз в 1992 году повышает процентную ставку по кредитам до 80 процентов. С 1 июля унифицируется валютный курс, вводится режим конвертируемости рубля по текущим операциям.

Постепенно набирает темпы приватизация в сферах торговли, бытового обслуживания, общественного питания и в то же время завершается формирование правовых и организационных основ приватизации крупной промышленности. Не сумев в мае провести через Верховный Совет закон о банкротстве, правительство попыталось запустить этот совершенно необходимый для оздоровления экономики механизм указом президента. К сожалению, не получилось, парламент отверг его.

В июле–августе месячные темпы инфляции держатся на уровне 10 процентов. Столкнувшись с серьезными финансовыми проблемами, многие предприятия переводят партнеров на предоплату, усиливают контроль за их платежеспособностью. На целом ряде предприятий в связи с падением производства — неполная занятость, вынужденные отпуска. Медленно, но неуклонно растет открытая безработица.

По мере продвижения вперед возникают все новые и новые трудности. Странное это движение. Оно не похоже на карабканье вверх пусть по крутому, опасному, но крепкому склону, когда только от тебя, твоей силы и выдержки зависит достижение поставленной цели. Скорее, это мучительный путь по болотистому торфянику: колышется под ногами тропинка, сечет осока, комарье слепит глаза, и любой неверный шаг может сбросить с тропы в черную жижу...

Самая большая опасность и самая серьезная тревога по-прежнему — финансы. Две проблемы, принципиально разные по своей природе, — неплатежи предприятий и кризис денежной наличности, достигший предельной остроты накануне летних отпусков, — порождают единодушное и все более жесткое требование к органам власти: дайте денег!

В обществе широко распространяется убеждение, что правительственная политика строжайшей денежной экономии проводится не в интересах России, а под диктовку МВФ. Отдельные средства массовой информации, опираясь на мнение некоторых "ученых мужей", настойчиво убеждают население, что отказ от такой политики позволит быстро поправить дела. В конце весны, по данным социологических опросов, поддержка проводимого правительством курса резко идет вниз.

Теперь, когда благодаря экспортным кредитам успешно преодолен острый кризис с зерном, угрожавший стране голодом, и заработавший рынок ограничивает потребности в ввозе продовольствия, финансовая помощь со стороны МВФ приобретает

политическую окраску со знаком "минус". О роли Международного валютного фонда в российских реформах 1992 года сказано и написано много, причем МВФ и его руководству достается на орехи и от тех, кто убежден, что фонд — орудие империалистического заговора против России, и от тех, кто считает, что в начале 1992 года была упущена уникальная возможность сделать с его помощью российские реформы устойчивыми. На мой взгляд, главной бедой подобных рассуждений является непонимание реальных возможностей МВФ.

Фонд — это большая бюрократическая организация с квалифицированным техническим персоналом, способная решать достаточно стандартные задачи, связанные с ликвидацией последствий финансовой дестабилизации, авантюристической, популистской политики. К решению крупномасштабных политических задач он по своей природе совершенно не готов. Между тем, крушение Советского Союза поставило перед ведущими рыночными демократиями действительно гигантскую по масштабам задачу. Противник, на военное противостояние с которым были затрачены триллионы долларов, развалился, переживает острейший экономический и социально-политический кризис, чреватый хаосом на территории, начиненной ядерным оружием. Стратегически в это время для Запада не было ничего важнее, чем помочь как можно быстрее преодолеть этот хаос, создать базу восстановления дееспособных государственных институтов, обеспечить возможности экономической стабилизации, что было вполне сопоставимо с проблемами, рожденными крахом Германии и Японии в мировой войне. Решался вопрос: что же возникнет на обломках социалистической империи? Нечто уродливое, экономически и политически нестабильное, источающее постоянную угрозу миру, или совокупность молодых, но растущих рыночных демократий, способных стать двигателем ускорения глобального экономического

роста XXI века, надежным стратегическим партнером Запада?

Не думаю, чтобы руководители ведущих западных держав игнорировали масштабы альтернативы, перед которой они оказались. Главная беда, на мой взгляд, была в том, что не оказалось лидера, способного выполнить организующую, координирующую роль, подобную той, которую в послевоенный период сыграли в восстановлении Европы Г.Трумэн и А.Маршалл. США, на которых, по логике вещей, должно бы лежать бремя координации усилий Запада, именно в это время серьезно парализованы противостоянием республиканской администрации Буша и демократического большинства в Конгрессе, надвигающимися президентскими выборами. Германия, руководство которой во главе с канцлером Г.Колем, наверное, лучше, чем кто-либо другой, понимает масштабы российских проблем, обременена задачами, доставшимися ей в наследство от ГДР. С Японией наши отношения натянуты из-за четырех Курильских островов, да к тому же эта экономически мощная держава явно не готова к политическому лидерству в западном мире. В Англии Дж.Мейджор симпатизирует нашим усилиям, готов бы помочь, но экономические возможности страны явно не позволяют Англии играть заметную координирующую роль. Вот и оказывается, что все вместе лидеры ведущих государств Запада понимают происходящее, готовы действовать, а каждый по отдельности по разным причинам пытается переложить бремя ответственности на другого. Отсюда естественное следствие: добрые намерения, не подкрепленные конкретными механизмами их реализации, заставляют Запад возложить роль координатора помощи России на Международный валютный фонд — у него серьезные финансовые ресурсы, вот пусть Россией и занимается. Хотя было ясно, что с этой крупномасштабной политической задачей он изначально не мог справиться.

Начиная реформы, мы даже не были членами МВФ, и требовалось время для вступления в него, что является абсолютно необходимым условием любого финансового взаимодействия. В критические месяцы, с января по апрель 1992 года, даже несколько сотен миллионов долларов свободных валютных резервов позволили бы нам серьезно расширить свободу экономического маневра, но и эти суммы были для нас недоступны. А к тому времени, когда бюрократические процедуры наконец завершены, стабилизационная программа уже расплзается на глазах. И предоставленный нам в июле 1992 года миллиардный кредит на пополнение валютных резервов — теперь всего лишь запоздалая поддержка усилий первого полугодия.

За что, пожалуй, действительно можно критиковать МВФ, так это за его политику, направленную на сохранение единой рублевой зоны. Руководство фонда в сложившейся уникальной, абсолютно нестандартной ситуации не знало, что предпринять. А в итоге едва не свело на нет наши усилия по введению российского рубля. Ибо нам приходилось преодолевать не только политическое сопротивление республик, зубами державшихся за доступ к российскому печатному станку, но и сопротивление со стороны МВФ. Лишь в мае-июне 1992 года, когда попытки наладить механизмы межреспубликанского контроля за денежной массой провалились и когда экспансия эмиссионных кредитов с Украины буквально уничтожала любые надежды на стабилизацию в России, руководство МВФ наконец поняло свою ошибку и согласилось со стратегией введения национальных валют. Но драгоценное время было безнадежно упущено.

Со временем МВФ научился гораздо лучше разбираться в постсоциалистических проблемах и приспособил свою организацию к нашим условиям. В 1995 году его взаимодействие с правительством России в реализации программы стабилизации было

уже весьма эффективным. Но все это пришло потом.

А тогда, в 1992 году, стабилизация продовольственного положения в стране снижает стимулы, связанные с кредитами международных финансовых организаций. Простейшая мысль, что обязательства взаимны, что финансовая стабилизация нужна для успеха реформ, а успех реформ необходим самой России, летом 1992 года популярностью в нашем обществе не пользуется. А в результате обе стороны, и Запад, и российское общественное мнение, все более недовольны друг другом. Международный валютный фонд недоволен Россией, так как она уже не следует серьезной стабилизационной политике, без чего зарубежная поддержка бюджета теряет смысл. Российская же общественность недовольна МВФ, поскольку обещанные кредиты не поступают.

Расширяются ряды непримиримой оппозиции. И даже молодые энергичные политики, поддерживавшие реформы, начинают отмежевываться от проводимого правительством непопулярного курса. Губернатор Нижнего Новгорода Борис Немцов призывает нас отказаться от намерений либерализовать цены на нефть и зерно. Все это, естественно, не может не сказаться на настроении президента, очень чуткого к изменениям общественного мнения. Раз за разом во время наших встреч или заседаний правительства он возвращается к вопросу, почему бы не пополнить, пусть даже за счет эмиссии, оборотные средства. Причем заметно, что приводимые нами доводы теперь не кажутся ему достаточно убедительными.

Дополнительная проблема — государства СНГ. Почти все они в это время пытаются сочетать "мягкое" вхождение в рынок с сохранением масштабного государственного регулирования цен и экспортом инфляции в Россию. При обсуждении экономических тем на встречах президентов государств СНГ самые популярные — необходимость проведения

взаимозачета, эмиссионного пополнения оборотных средств, пагубность либерализации цен на топливо, вредоносность идей разделения рублевой зоны, вынашиваемых российским правительством, необходимость сохранения масштабных соглашений по межгосударственному бартеру. Б.Ельцин на таких совещаниях чувствует себя крайне неуютно, и его можно понять. Он явно раздражается, когда я снова и снова вынужден доказывать сообществу собравшихся для дружеской беседы президентов ошибочность кажущихся им столь убедительными предложений. Впоследствии, столкнувшись с жесткими реальностями рыночной экономики, увидев, как легко подвести свои страны к финансовой катастрофе, многие из президентов — участников этих дебатов радикально пересмотрели свои экономические взгляды, стали твердыми сторонниками решительных реформ, но все это пришло не сразу, а тогда они были едины в том, что именно "доктринерская" монетаристская политика российского правительства — главная преграда экономическому сотрудничеству в СНГ.

С президентами государств Содружества в 1992 году у меня сложились своеобразные отношения. Лучше всех, наверное, их определил президент Киргизии Аскар Акаев, сказав как-то на совещании глав государств СНГ в Бишкеке: "Гайдар у нас на всех один. Он наш общий премьер". Действительно, когда Россия начала реформы, тем самым сделал их неизбежными для государств Содружества, у политиков независимых государств появилась возможность кивать на жестокого, бессердечного Гайдара, который затеял что-то немыслимое, и вот теперь они, не желая того, вынуждены, к сожалению, следовать схожим путем, хотя и пытаются облегчить тяготы своим народам. Что особенно удобно — премьер-то ведь не твой, а ельцинский. А потому не в твоих это силах — приказать ему что бы то ни было или отправить его в отставку. Игра в злого Гайдара сначала

шла на высоком эмоциональном накале, потом спокойней, а к середине 1992-го уже почти не всерьез. Сами президенты, особенно попозже вечером, после рюмки коньяка, над правилами этой игры подшучивали. И тем не менее, правила есть правила, они были заданы, и с ними приходилось считаться. Очень жаль, что государства Содружества не смогли с самого начала настроиться на единую волну реформ, что каждая из них возжелала извлечь из создавшейся ситуации односторонние преимущества. Как показали последующие события, такая позиция привела к потерям для всех.

Из стран, опоздавших с реформами, особенно обидно было за Украину. В конце 1991 — начале 1992 года украинская политическая элита твердо взяла курс на так называемый "мягкий вариант" вхождения в рынок, предполагая в максимальной степени использовать неограниченные эмиссионные возможности единой рублевой зоны при 15 независимых Центральных банках. Хорошо известны слова украинского премьера того периода Витольда Фокина: "Зачем сдерживать бюджетный дефицит, когда в руках печатный станок". Уже с 1990 года Центральный банк Украины начал предоставлять несанкционированные Центральным банком СССР кредиты украинскому правительству и украинским предприятиям.

В начале января 1992 года Украина без предупреждения ввела собственную налично-денежную единицу, сохранив использование общесоюзного рубля в безналичном обороте. Возник чудовищный экономический гибрид: помесь общей безналичной валюты и самостоятельно эмитируемого наличного денежного средства. Именно тогда, после введения купона, твердо понял — да, с Фокиным надо и разговаривать, и пытаться договариваться, нельзя одного: полагаться на то, что принятые обязательства будут выполнены. Разумеется, и другие республики грешили в это время с экспортом инфляции в Россию, пользовались открывающимися возможностя-

ми, но все это — в масштабах, несопоставимых с тем, что делал Фокин. Если нужно было бы назвать одного человека, кто более всех других препятствовал в начале 1992 года стабилизационным усилиям в денежной политике Содружества, то, наверное, Фокин по праву может претендовать здесь на заслуженное первое место.

С июля 1992-го, когда расчеты с республиками были переведены на корреспондентские счета и автоматический экспорт созданной на Украине денежной массы в Россию стал невозможен, тупик проводимой Фокиным политики очень быстро сделался очевидным и отставка его — предрешенной.

Но весной 1992 года, когда Россия еще не успела создать собственную денежную систему, заработная плата, скажем, профессора в Киеве, выплачиваемая в рублях, в несколько раз превышала заработную плату профессора в Москве. В то время как российское правительство вынужденно проводило предельно жесткую финансовую политику, украинское осуществляло самую податливую. Именно в это время социальную мягкость украинских реформ неоднократно ставили нам в пример люди, совершенно не понимавшие, за счет чего эта мягкость на деле обеспечивается.

Сохранение масштабного контроля цен, реально охватывающего 60-70 процентов номенклатуры продукции, вместе с податливой финансовой политикой так и не позволили украинцам преодолеть дефицит товаров. По существу, экономика работала в режиме подавленно-открытой инфляции. Быстрый рост цен сопровождался сохранением очередей и талонов.

В приватизации был избран, пожалуй, самый бесперспективный путь. Государственные торговые монополии приватизировались на основе аренды с правом выкупа, как единое целое, воспроизводя худшие стереотипы государственной торговли, помноженные теперь еще на полную безответственность.

Не было ни одной безумной экономической идеи, с которой носилась оппозиция в России и которая не была бы многократно опробована на Украине. Здесь регулярно проводили пополнение оборотных средств, взаимозачеты задолженностей, выдавали масштабные эмиссионные кредиты, пытались сохранить многочисленные дотации, привязывали приватизацию к компенсации сбережений населения. И все это, конечно, — под флагом защиты социальных интересов трудящихся.

Самоубийственные последствия такой политики в полной мере сказались, когда России наконец удалось обрести денежную независимость. Замкнутая в границах Украины эмиссия обернулась в 1993 году мощнейшим инфляционным взрывом. Темпы роста цен более чем в 10 раз превысили отнюдь не низкие российские показатели. К осени 1994 года заработная плата на Украине далеко отставала от российской, составляя что-то около двадцати долларов. Неспособная расплачиваться по своим обязательствам молодая страна оказалась на грани государственного банкротства.

Конечно, нельзя сказать, что в украинском правительстве не было людей, пытавшихся проводить осмысленную экономическую политику, но их возможности были предельно ограничены. Хотел бы назвать одного из них — Александра Ланового, молодого экономиста-рыночника, ученого, возглавлявшего в 1991-1992 годах Министерство экономики. Мы встретились с ним в Москве в самом начале 1992 года. Обсуждали проблемы постепенного приближения уровня цен во взаимной торговле к ценам мирового рынка. К величайшему недоумению и неодобрению своей делегации, Лановой сел со мной вместе рисовать графики и анализировать альтернативы. Было видно, что он понимает тупиковость проводимого курса, но не имеет поддержки в украинских верхах. Вести диалог с ним было приятно, интересно, но с самого начала можно было предполо-

жить, что *ему* вряд ли удастся воплотить в жизнь хотя бы часть из того, о чем договоримся. I

Позднее встретились с ним на совещании президентов государств СНГ в Ташкенте. Отношения между российским и украинским правительствами были довольно напряженными, антироссийские настроения в украинской политической элите — сильными. Тем не менее Лановой подошел ко мне, договорился о встрече. Поздно ночью встретились, долго гуляли по парку правительственной резиденции. Он откровенно рассказывал мне о невозможности сделать что-либо осмысленное для рыночных реформ в сложившейся на Украине политической ситуации. Спрашивал мое мнение о перспективах российской экономической политики по отношению к Украине.

В ноябре 1992-го назначенный взамен отправленного в отставку Фокина Леонид Кучма прилетел в Москву на переговоры с Ельциным и со мной, имея основной целью восстановить взаимопонимание и дружеские отношения. Мы довольно подробно поговорили наедине. Мне показалось, что у него действительно есть желание добиться позитивных перемен, стронуть с места буксующие реформы. Может быть, нет еще достаточного понимания, как это сделать, но по крайней мере тупиковость предшествующей политики В.Фокина ему очевидна. Сразу было видно — человек совершенно другой, прямой, не хочет хитрить и лукавить. Сам поставил вопрос о необходимости упорядочения отношений в денежной области, полноценного введения украинской национальной валюты в безналичный оборот, заявил о намерении покончить с вакханалией в расчетах. Посоветовались. Спрашивал меня о ключевых направлениях преобразований. Не имея, правда, четкой, ясной картины того, что надо делать — мешали рецидивы директорского мышления, — он, вместе с тем, все же явно хотел идти вперед, проводить осмысленную и в целом прореформаторскую политику. Было видно и другое: Кучма

действительно не хочет разыгрывать антироссийскую карту, ставшую привычной для украинской политики 1991-1992 годов, и стремится нормализовать экономические и политические отношения с нашей страной, построить их на цивилизованной, культурной, не воровской основе. Впоследствии убедился, что на слово украинского премьера можно рассчитывать. Не все было в его власти и не все у него получалось, но по крайней мере сознательно-го обмана за то короткое время, что довелось проработать вместе, не было никогда. Именно поэтому всегда пытался его поддерживать.

Тогда, на нашей первой встрече, Кучма сказал, что хотел бы привлечь уже ушедшего в отставку Ланового к работе в своем правительстве, попросил меня позвонить ему, убедить принять предложение вернуться в состав украинского кабинета. Я связался с Лановым, сказал, что, на мой взгляд, при всех трудностях и отсутствии квалифицированных кадров у Кучмы есть реальное желание что-то сделать, и посоветовал оказать ему помощь. Лановой ответил, что считает правительство Кучмы обреченным и не хочет с ним связываться. В какой-то степени он был прав — Кучма действительно тогда недолго проработал во главе украинского кабинета, мало что успел сделать. И все же, думаю, Лановому следовало тогда согласиться и помочь Кучме. Потом он ушел в политику, в 1994 году участвовал в президентских выборах, получил несколько процентов голосов. Только весной 1996-го вошел в команду Кучмы, став его экономическим советником. При всем различии, мне кажется, есть немало черт, сближающих Ланового с Явлинским. И тот, и другой работали в правительстве, не желая проводить реформы, затем ушли в отставку, И тот, и другой потом ринулись в политику, Бросается в глаза даже внешнее их сходство, манера говорить, отношение к людям. Наверное, сходство ситуаций, с которыми сталкиваются Россия и Украина, порождает и сходство личностей.

Моим “двойником”, считаю, был Виктор Пинзенник, вошедший осенью 1992 года в правительство Кучмы и ставший почти сразу одним из злейших врагов популистского парламентского большинства. Упорный, жесткий, явно не склонный задумываться о своей популярности и политическом будущем. Тогда он в самом деле попытался вытащить глубоко увязший воз экономических реформ на Украине. Ему удалось немного. После отставки Кучмы его уход был предрешен. Но вместе с ненавистью парламентского большинства он заслужил доверие и авторитет среди тех, кто действительно стремился радикально изменить направление экономического развития своей страны. Не случайно Кучма, избранный президентом и начавший в условиях жесточайшего экономического кризиса реализацию программы радикальных рыночных преобразований, позвал В.Пинзенника в правительство и назначил первым вице-премьером. Задачей его была разработка стратегии и тактики преобразований.

Мы вновь встретились весной 1995 года в Киеве. Виктор был законно горд результатами, которых удалось добиться за предшествующие полгода, резко снизившимися темпами инфляции, начавшимися структурными реформами. Был полон планов дальнейших преобразований. Вместе с тем, плата за успех оказалась высока, он стал любимой мишенью политиканов. Было ясно: президенту придется либо пожертвовать им, либо, по меньшей мере, переместить на другое место и урезать полномочия. Несколько месяцев спустя так оно и вышло. С постом первого вице-преьера Виктору пришлось расстаться, полномочия его резко ограничивались. Он думал: принимать ему новое назначение или отклонить? Мой совет был — оставаться. Кадровые маневры по политическим мотивам в столь сложной ситуации, которую переживает Украина, неизбежны. Главное не место, а то, сохранится ли возможность влиять на развитие событий, проводить осмыслен-

ную линию. Ясно, Кучма с пути реформ сворачивать не хочет; значит, надо работать.

Рад тому, что при всех колебаниях и отступлениях экономические реформы на Украине в 1995-1996 годах были продолжены: наш сосед начал с трудом наверстывать отставание в проведении реформ, и сегодня идея мягкого вхождения в рынок популярностью на Украине больше не пользуется.

Но все это позже. А в мае 1992-го — совещание в Кремле по проблемам нефтегазового комплекса с приглашением руководителей ведущих предприятий. Предстоит обсудить ход реформ в этой важнейшей сфере, финансовое положение предприятий, работу по реструктурированию нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих объединений. Министр топлива и энергетики В.Лопухин, подготовивший к совещанию несколько важных, основополагающих документов, должен сделать доклад. Но, открывая совещание, президент сообщает, что принял решение освободить В.Лопухина от должности, а заместителем председателя правительства по топливно-энергетическому комплексу назначить председателя концерна "Газпром" В.Черномырдина.

Разногласия по кадровым вопросам у нас с президентом возникали еще в период формирования правительства. Случались они и позже. Мы их обсуждали, и принималось согласованное решение. На этот раз произошло иначе, все было решено за моей спиной. Не скрою, это явилось для меня серьезным ударом. И дело не только в том, что без консультации отправлен в отставку единомышленник и соратник, много сделавший для реформирования важнейшей отрасли народного хозяйства, — я понял, что мои возможности отстаивать перед президентом свою точку зрения подорваны и что на его поддержку больше рассчитывать не приходится. А это в конкретной политической ситуации неизбежно грозит деформацией реформ.

Сразу после совещания Ельцин позвонил мне, извинился, сказал, что хотел меня предупредить, но, к сожалению, не успел, не смог связаться. Обычная политическая формальность. Первый импульс — немедленно подать в отставку, снять с себя ответственность за неизбежные негативные и болезненные последствия, к которым поведет отступление от реформ или просто их замедление. А что дело идет именно к этому — нетрудно было предвидеть. Шаг естественный и, наверное, политически рентабельный. Во всяком случае впоследствии понимающий толк в таких вопросах Г.Явлинский говорил мне, что именно в этот момент я упустил свой личный политический шанс. Но я тогда думал не о своей политической карьере, а о деле. Все достигнутое нами было еще предельно непрочно. Российский рубль не введен. Масштабная приватизация подготовлена, но не начата. Короче, реформы еще в высшей степени обратимы. Можно было, конечно, сделать красивый жест, но это напрочь перечеркнуло бы все, чего с таким трудом удалось добиться.

И все же мысль об отставке была. Вечером отмечая несколько встреч и совещаний, освобождая себе время, чтобы спокойно подумать. Понимаю, остаться — значит, вести тяжелые арьергардные бои, наблюдать за тем, как сужается возможность принятия целесообразных решений и, вместе с тем, продолжать нести всю полноту ответственности за неизбежные негативные последствия ослабления финансовой политики, отступления от курса реформ. Но уйти — значит, самому сдать еще отнюдь не проигранную позицию, отказаться от борьбы в критической ситуации, когда важнейшие структурные реформы подготовлены и вот-вот должны начаться. После нелегких раздумий принимаю решение остаться и продолжать работу. Решающий аргумент — при всех проблемах мощные рычаги влияния на проводимую политику еще в моих руках.

Первейшая головная боль — Верховный Совет,

где политика реформ — что красная тряпка для быка. Правительство с трудом отбивается от убийственных по своим финансовым последствиям предложений, а поскольку, как я уже сказал, президент отошел от непосредственного руководства Советом министров, напор отраслевых лоббистов сдерживать приходится мне. Пытаюсь разрушить схему прямого взаимодействия: отраслевые министерства — комитеты и комиссии Верховного Совета — Центральный банк, позволяющую, минуя председателя правительства, проводить в жизнь опаснейшие для экономики решения.

В целом отступление, ослабление финансовой и денежной политики оказывается политически неизбежным. В мае-июне вклад бюджетного дефицита в развертывание инфляции еще невелик, но быстро растет.

Апофеоз финансовой безответственности — обсуждение в начале июля в Верховном Совете бюджета на 1992 год. Парламентский контрольно-бюджетный комитет, выполняя заказ руководства Верховного Совета, насчитывает несусветные резервы увеличения во втором полугодии налоговых поступлений. Вопреки протестам и предостережениям правительства, Верховный Совет за два часа с голоса принимает поправки, увеличивающие финансовые обязательства государства и бюджетный дефицит на 8 процентов ВВП.

Отношения между правительством и Центральным банком — одна из самых важных тем экономической политики 1991-1994 годов. К концу 1991 года ЦБ РФ находился в полном подчинении Верховного Совета, практически — его председателя Р.И.Хасбулатова. В кабинете председателя ЦБ стоял телефон прямой связи с Верховным Советом, и телефоном этим, насколько мне известно, активно пользовались. О Григории Матюхине, возглавлявшем в это время банк, знал мало — только то, что он близок к Руслану Хасбулатову (в свое время они вместе рабо-

тали в Московском институте народного хозяйства) и что принимает активное участие в банковско-бюджетной войне России и Союза. Нарастив объемы кредитования, предоставляя дешевые кредиты российским предприятиям, тем самым обеспечивает политическую поддержку властей. Большого оптимизма все это не внушало. Начинать сложнейшие преобразования без надежного взаимопонимания и взаимодействия правительства с главным банком страны было опасно.

В ноябре, воспользовавшись предоставленными президенту дополнительными полномочиями, мы попытались сразу решить эту проблему — подготовили указ, переподчиняющий ЦБ президентской власти. Пробный выстрел оказался на редкость неудачным, указ немедленно был заблокирован Верховным Советом, причем практически единогласно. Поняли, что кавалерийской атакой обеспечить контроль над банком не удастся, надо искать возможности совместной работы. Руководство банка неожиданно для нас оказалось готовым к взаимодействию. Довольно быстро сам Григорий Матюхин предложил назначить одного из ключевых членов нашей команды, Сергея Игнатьева, заместителем председателя ЦБ, дал ему возможность вести работу, направленную на формирование системы корреспондентских счетов с республиками, курировать вопросы, связанные с общеэкономической политикой банка. При подготовке отделения рублевой зоны он оказался очень полезным союзником.

Первые месяцы 1992 года Центральный банк ограничивает объемы прироста кредитов коммерческим банкам. Каждый шаг вперед в повышении процентной ставки дается с боем, работать с Матюхиным непросто. В разгар важных переговоров он может внезапно куда-то исчезнуть, провалиться, как сквозь землю. И тем не менее, видно: курс на стабилизацию денежной системы он поддерживает и готов проводить.

В это время главная проблема ЦБ, то, за что ему больше всего достается, — платежный кризис, резкий рост объема неплатежей в народном хозяйстве. Проблема, в общем-то, встречающаяся во всех постсоциалистических странах, но в России она усугублена перестройкой системы расчетов, которая приходится на самые ключевые месяцы реформы. Г.Матюхин попадает под пресс нарастающей критики, а тут еще скандал с чеченскими авизо. Становится ясно — дни его на посту председателя ЦБ сочтены. Надо искать другую кандидатуру, попробовать провести ее через Верховный Совет.

Веду переговоры с нашими сторонниками в Верховном Совете, пытаюсь понять, какие кандидатуры смогут пройти через его сито. Советуюсь с Павлом Медведевым, который руководит банковским подкомитетом. Ответ неутешительный — на его взгляд, кандидатуры Бориса Федорова и Сергея Игнатьева для депутатов абсолютно неприемлемы. Консультации с другими парламентариями эту оценку подтверждают. Называют, как правило, людей, работа с которыми для нас будет практически невозможна либо крайне сложна. Но одна кандидатура, имеющая серьезные шансы получить поддержку большинства Верховного Совета, заставляет задуматься. Это Виктор Геращенко, последний председатель Госбанка СССР. Знаю его довольно давно как одного из самых квалифицированных банкиров, занимавшихся внешнеэкономической деятельностью. Он много работал в системе заграничных банков и во Внешэкономбанке СССР. Назначенный возглавлять Госбанк Советского Союза в самый разгар бюджетной и банковской войны между республиками и центром, он пытался поддержать банковскую систему на плаву и активно противостоял недопустимой здесь анархии. Приглашаю В.Геращенко поговорить. Общее впечатление: работать готов, хочет, знает, как поправить дело со сроками расчетов, заверяет в том, что будет тесно взаимодействовать с правительством.

Принимаю решение поддержать его кандидатуру. Видимо, это самая серьезная из ошибок, которые я допустил в 1992 году.

Утвержденный Верховным Советом, Геращенко действительно довольно быстро показал себя квалифицированным управленцем, сильным организатором. Банк при нем стал работать намного более четко, слаженно, снизились сроки прохождения платежных документов. Но все это перекрывалось одним фундаментальным негативным фактом: Виктор Владимирович категорически не был готов понять аксиомы банковского управления экономикой в условиях инфляционного кризиса. Он был искренне уверен в том, что, увеличивая темпы роста денежной массы с помощью эмиссии, можно поправить положение в экономике. Много раз впоследствии слышал от него примерно следующее рассуждение: ну, смотрите — цены выросли в 4 раза, а денежная масса только в 2, значит, денег в экономике не хватает, значит, производство падает именно из-за нехватки денег, давайте увеличим темпы роста денежной массы, предоставим кредиты республикам, предприятиям. Спорил с ним, приводил контраргументы, доказывал порочность подобной политики, доказывал общеизвестное — падение спроса на деньги как раз и является естественной реакцией на инфляционный кризис, масштабную денежную эмиссию. Но переубедить человека, у которого сложились твердые, укоренившиеся представления о взаимосвязях в рыночной экономике, очень непросто. Внутренне он не мог принять иную точку зрения. Пример В.Геращенко — одно из ярких свидетельств того, что качества, необходимые для коммерческого банкира и для руководителя Центрального банка, принципиально различны.

Результаты порочной политики ЦБ не заставили себя ждать, темпы роста денежной массы резко пошли вверх, и страна оказалась на грани гиперинфляции. Потом, в сентябре-октябре, когда стало ясно,

что реакцией экономики на денежную экспансию стал не подъем производства, а резкое падение курса национальной валюты и ускорение роста цен, эмиссионный энтузиазм Виктора Владимировича пошел на убыль. Нам удалось с большим трудом снова начать мучительный процесс финансовой и денежной консолидации. Но и впоследствии было очевидно, что внутренне Геращенко не верит в эффективность контроля над инфляцией с использованием денежных регуляторов. Проводить же стабилизационную политику с руководителем главного банка страны, который не приемлет самую суть этой политики, — занятие на редкость малопродуктивное.

Серьезные разногласия правительства и ЦБ, просчеты в проводимой денежной политике послужили распространению слухов о том, что Геращенко сознательно вредит президенту, правительству, играет на руку оппозиции. Честно говоря, никогда во все эти теории заговора не верил, был убежден: он просто не понимает, как связаны друг с другом цены, процентная ставка, валютный курс, денежная масса в условиях рыночной экономики и свободных цен.

Задним числом, зная, какими издержками обернулась несогласованная работа банка и правительства для российской экономики, пытаюсь понять: а что же можно было сделать иначе в мае-июне 1992 года, когда решали вопрос о руководителе Центрального банка? Свобода маневра ведь была минимальной. И все же, наверное, самым разумным было бы поддержать Г.Матюхина, попытаться предотвратить его отставку. Все его организационные промахи с лихвой окупались главным — он понимал основные задачи ЦБ в условиях инфляционного кризиса.

В июле-августе 1992 года Центральный банк начинает операцию по взаимозачету долгов и резко увеличивает объемы кредитования. Темпы роста денежной массы, удерживающиеся в январе-июне на уровне 9-14 процентов в месяц, переваливают за 25 процентов. Как обычно, в подобных ситуациях пер-

вый симптом изменения денежной политики — перелом в динамике валютного курса. До середины мая курс доллара снижался. До середины июня сохранить эту тенденцию удастся уже лишь ценой все больших валютных интервенций Центрального банка, продолжать которые при скромных валютных резервах и изменившейся финансовой ситуации становится бессмысленным. С середины августа, когда, со стандартным месячным отставанием, созданная в июле рублевая масса обрушивается на валютный рынок, курс доллара по сравнению с рублем резко взмывает вверх.

В конце этого же месяца обозначаются негативные перемены в динамике продовольственных цен. Непосредственным импульсом к этому служит резкое повышение закупочных цен на зерно нового урожая, но фундаментальная причина — перелом денежной политики. Угроза гиперинфляции, развала денежного обращения, утраты всех результатов политики реформ становится очевидной.

Ведя тяжелые арьергардные бои на стезе денежной политики, не упускаю из виду и проблему приватизации, без которой реформы обречены на провал. Осенью 1991 года, формируя предложения по составу правительства, подбирая людей на ключевые министерские посты, я поначалу хотел поручить Анатолию Чубайсу, в то время советнику мэра Санкт-Петербурга А.Собчака, структурную политику: бывший Госплан, Министерство экономики. И все же опыт коллег по реформам в странах Восточной Европы подсказывал — наиболее трудоемким и конфликтным участком станет приватизация, а значит, именно здесь нужен руководитель высокого класса, Чубайс подходил для этого по всем статьям.¹

Когда поздно вечером в Архангельском я сказал ему, что хочу его видеть во главе Госкомимущества, иначе говоря — чтобы он взял на себя ответственность за разработку и реализацию программы приватизации, обычно невозмутимый Толя тяжело

вздохнул и спросил меня, понимаю ли я, что он станет человеком, которого будут всю жизнь обвинять в распродаже России. Я понимал это и все же ответил, что, если он со своей энергией и организационной хваткой за это дело возьмется, есть серьезный шанс добиться того, чтобы значительная часть собственности была упорядочена и легально приватизирована. В противном случае процесс будет носить стихийный, а потому и социально опасный характер. Что же касается упреков, то их горькая чаша не минует никого из нас.

Разговоры о необходимости приватизации активно велись в нашей стране с 1989 года. Начиная с 1990-го тема ее в том или ином виде присутствует во всех программах неосуществленных реформ. Летом 1991-го Верховный Совет РСФСР принимает посвященный ей базовый закон. Однако масштабная и упорядоченная работа так и не началась. По официальным данным, на 1 января 1992 года в необъятной России было приватизировано всего 107 магазинов, 58 столовых и 56 предприятий службы быта. Вот и все... Скучные эти цифры не отражают, впрочем, реальной картины. В течение 1989–1991 годов широко развернулась приватизация полулегальная, стихийная, нахрапистая. Пользуясь горбачевским законом о предприятиях, давшим неограниченные права их руководителям, многие директора без особого смущения сдавали сами себе или своим родственникам в аренду с правом выкупа лакомые кусочки государственного имущества, а затем быстренько за чисто символическую плату переводили их в частную собственность.

Приняв в середине ноября командование над маленькой конторкой, которая называлась Госимущество РСФСР, А. Чубайс сразу же обнаружил, что там нет ни серьезных нормативных наработок, ни структур, ни людей... Начинать приходилось практически с нуля.

В конце декабря на заседании правительства были обсуждены и приняты основные принципы рос-

сийской приватизации. Утвержденный президентом документ направился в Верховный Совет, и началось формирование мощной федеральной структуры, способной справиться с организационными и правовыми задачами. К разработке десятков нормативных документов привлекли многих российских и зарубежных специалистов.

В феврале проходит пробная отработка механизмов аукционной продажи объектов торговли, сферы бытового обслуживания. С марта процесс малой приватизации набирает темп, охватывая российские регионы. Попытки работников государственной торговли поднять народ на протест против аукционной продажи магазинов и торговых точек поддержки со стороны населения не получили.

Центр сопротивления приватизации — в том же Верховном Совете. На одном из его заседаний А.Чубайс докладывает нашу программу. Согласно ей, государственная собственность может приватизироваться в двух вариантах, выбор которых остается за коллективом предприятия. Но и в первом и во втором учтены:

— интересы трудовых коллективов — право на льготное приобретение части акций по остаточной стоимости;

— интересы директоров — акции для руководителей предприятий;

— интересы местных органов власти — доходы от приватизации направляются в первую очередь в региональный бюджет;

— интересы граждан, не занятых в хозрасчетном секторе, — бесплатная приватизация за чеки.

Программа небезупречная, но основана на идее общественного согласия. Это — работающий компромисс, позволяющий добиться упорядоченного распределения собственности и запустить рыночный механизм, который впоследствии должен привести и к экономически эффективному перераспределению.

В ходе обсуждения в Верховном Совете, несмотря на сопротивление правительства, к двум вариантам добавлен еще один, открывающий возможность для трудовых коллективов выкупать по остаточной стоимости 51 процент акций предприятия. За этим шагом — еще не угасшее эхо большевистского: “заводы — рабочим”, обернувшегося впоследствии всевластием бюрократии, стремлением спрятаться от суровых реалий рынка за спину трудовых коллективов. И не удивительно, что структура собственности приватизированных по этому варианту предприятий обрела характерные черты промышленных колхозов.

Правительство перед выбором: упорно стоять на страже чистоты замысла, затормозив процесс распределения прав собственности, или согласиться с искажающими план корректировками, понимая, что формирующаяся структура собственности будет далека от оптимальной. Потеря темпа для нас — непозволительная роскошь, и мы идем на уступки, которые разблокируют движение механизма приватизации, во многом предопределившее дальнейшее развитие экономических реформ в России.

Первоначально законодательство о приватизации не предусматривало введения наличного платежного средства — ваучера. Предполагалось создать систему именных приватизационных счетов и вести операции с этими счетами. Но с самого начала стало ясно: для того чтобы использовать такой путь, нужно будет или сформировать еще одну, параллельную сберегательным кассам систему, или кардинально перестроить уже существующую, на что потребуются немалое время и колоссальные деньги. В таком случае реальное начало преобразования собственности отсрочилось бы по меньшей мере на год, что могло просто-напросто лишить страну ее исторического шанса.

Бедой многих приватизационных программ, реализованных в государствах Восточной Европы и ре-

спубликах бывшего Союза, стала неликвидность приватизационных бумаг. Как только люди убеждались, что им дали в руки нечто такое, что никто не покупает и от чего, как говорится, ни тепло, ни холодно, интерес к самой идее приватизации резко падал. Поэтому мы решили, что принципиально важно ввести ликвидный приватизационный чек, который каждый человек волен либо сберечь, либо продать, превратив его в один из инструментов нарождающейся рыночной экономики. Вопрос, какой номинал ставить на чек, вообще-то беспредметен, ибо чек этот имеет только социально-психологическое значение, удостоверяя право на часть приватизируемой собственности. Его цена определяется объемом приватизированного имущества, уровнем финансовой стабильности, теми льготами, которыми обладают трудовые коллективы. В конце концов из соображений простоты остановились на номинале в 10000 рублей.

Разработанный правительством план приватизации президент поддержал, но термин "ваучер" вызвал у него решительный протест. Он просто запретил членам правительства употреблять на совещаниях это, по его мнению, неприличное слово, говорить следовало только о приватизационных чеках. Может быть, он был и прав, но язык развивается по своим, не слишком послушным власти законам, внутренне стремится к максимальной лаконичности — термин прижился, и А. Чубайс, видимо, навсегда останется его крестным.

Значительная часть деловой элиты быстро осознала возможности, открывающиеся в ходе приватизации. Если в начале 1992 года образ счастья для директоров российских государственных предприятий еще прочно ассоциировался с социалистическим прошлым, когда им были гарантированы ресурсы, материально-техническое снабжение и, при нужде, государственное финансирование, то теперь многие из них примеряют к себе новый социальный

образ акционеров и руководителей крупных частных корпораций.

Конечно, во всем — немалый риск. Начат процесс, в который будет вовлечено 148 миллионов людей. Им раздают неведомые бумажки с несслыханным названием. Надо еще сделать этот ваучер по-настоящему ликвидным, двинуть ему навстречу масштабный объем государственной собственности — только тогда социальная база реформ расширится. Отсюда важнейшая проблема — создание потока предложений приватизируемого имущества. Для того чтобы с ним работать, нужны чековые инвестиционные фонды. Госимущество пытается регулировать их работу, но их много, за деятельностью каждого не уследишь. В приватизации, увы, всегда есть элемент лотереи, но преимущество ее в том, что впервые за века государство не отбирает у человека его собственность, а пытается наделить его чем-то.

Мы понимали, что, получив ваучер, все 148 миллионов не изменят разом привычный образ мыслей, систему ценностей, представление о шкале социальных приоритетов. Психология безусловного хозяина своего имущества будет формироваться постепенно, на протяжении ряда лет, а может, и десятилетий. Ее не создашь по заказу.

И все же главное удалось. Спрос на приватизируемое имущество возник, начал нарастать, вынуждая местные власти относиться к приватизации весьма серьезно. Теперь им приходится решать проблему: куда население их территорий сможет вложить приватизационные чеки. К этому их подталкивает увязка объемов местного бюджета с доходами от малой приватизации, которая становится неизбежностью. И все это уже не фантазия, родившаяся в голове либералов-мечтателей, а социальная реальность, с которой вынуждены считаться даже ее противники.

Приватизация сама создает себе базу политичес-

кой поддержки, становится трудноостановимой. Наглядное свидетельство тому — позиция большинства в Верховном Совете осенью 1992 года. При всей дикой истерике по поводу августовского указа президента, введшего ваучер, оно так и не решилось принять, казалось бы, самое простое, однозначное решение: утвержденную программу приватизации отменить, саму приватизацию остановить. С началом выдачи приватизационных чеков это стало уже политически невозможным.

Итак, пользуясь военной терминологией, можно сказать, что в мае-августе 1992 года правительство под натиском превосходящих сил отступало, ведя арьергардные бои и стараясь, по мере возможностей, удерживать важнейшие направления, а на некоторых участках продолжало наступление,

Вскоре после апрельского Съезда Ельцин назначает заместителя председателя Верховного Совета Владимира Филипповича Шумейко первым вице-премьером российского правительства. Теперь, впервые с начала реформ, в правительстве два первых вице-преьера. У меня реальный контроль над ключевыми экономическими министерствами, в правительстве моя команда. И все же возникновение двух центров влияния при явно колеблющемся, не уверенном в точности избранного курса президенте — серьезный фактор, ослабляющий возможность вести осмысленную политику. Тем более, что ведь есть и другие центры: правительство не имеет серьезного влияния на Центральный банк, Пенсионный фонд. Отраслевые министерства довольно легко договариваются напрямую с отраслевыми комитетами Верховного Совета. И хотя лично Владимир Филиппович в это время вполне лоялен к проводимому курсу, но сама диффузия центра принятия решений открывает лоббистам слишком широкие возможности маневра.

13 июня, утром, накануне отлета Бориса Николаевича в Вашингтон на встречу с Бушем — звонок:

— Егор Тимурович, что вы скажете об идее назначить вас исполняющим обязанности председателя правительства?

— Скажу откровенно, что при создавшейся ситуации идея мне кажется разумной. Она позволит добиться большей консолидации в правительстве.

— Должен ли я понять вас так, что вы благодарите меня за доверие? — спросил Ельцин. Я ответил, что да, без сомнения, благодарю.

Встретились на аэродроме. Ельцин проинформировал провожающих о принятом решении, подписанном указе, сказал, что направляет представление о моем утверждении в должности премьера в Верховный Совет.

С начала апреля, после отставки Бурбулиса, я де-факто возглавлял правительство и, как правило, вел его заседания; противники и сторонники проводимой политики уже называли наше правительство правительством Ельцина-Гайдара. И все же до тех пор круг моих реальных полномочий и обязанностей в полной мере ограничивался хозяйственно-экономическими вопросами. Это в рамках российской традиции.

В России с начала века был набор так называемых царских министерств — Министерство обороны, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, охранка. Их руководители имели право прямого всеподданнейшего доклада царю, минуя председателя Совета министров. В ведение Совета министров входили в первую очередь вопросы финансовые, хозяйственные, социальные. Так было при Витте, Столыпине, Коковцове. По существу, эту же систему потом унаследовали большевики, заменив царя генеральным секретарем, затем она досталась демократам, где царские министерства стали президентскими. И все же по жизни назначение исполняющим обязанности премьера — резкое расширение реальных прав, полномочий, сферы ответственности. В России, особенно предельно нестабиль-

ной, беспокойной России 1992 года, постоянно происходит что-то требующее немедленного вмешательства, подключения всех структур государства, в том числе и силовых. Отнюдь не всегда президент на месте может обеспечить межведомственное взаимодействие. Значит, приходится влезать в эти проблемы, брать ответственность за принятые решения.

То, с чем сталкиваешься, работая в правительстве, — частые и убедительные демонстрации справедливости знаменитого принципа Питера. Напомню: его суть в том, что в бюрократическом аппарате человек продвигается по ступенькам должностной лестницы до тех пор, пока справляется со своими обязанностями. И вот тогда, когда оказывается на уровне, для него непосильном, его карьера приостанавливается. Именно там он остается надолго. Разумеется, в бурном и хаотичном 1992 году принцип существенно модифицировался, но все же действовал.

Наглядный пример — история вице-премьера Георгия Хижи. Сильный генеральный директор объединения "Светлана". Потом, в 1991-1992-м, — дельный первый заместитель мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака. В трудной ситуации он показал себя прекрасным организатором, способным действовать в сложных условиях. Поэтому, когда стало ясно, что нам придется вводить должность вице-премьера, курирующего отраслевые министерства, я, по совету Анатолия Чубайса, хорошо знавшего Хижу, предложил Ельцину назначить Георгия Степановича на эту должность. Он энергично взялся за дело. Однако очень быстро выяснилось, что, принимая реформы в целом, он совершенно не способен понять фундаментальные принципы управления экономикой в условиях рынка, смотрит на происходящее глазами директора завода. А потому и предлагает решения, которые кажутся ему полезными для предприятий, искренне не понимая их губительности для национальной экономики в целом. Хижа |С

мая становится главным борцом за увеличение бюджетного дефицита, за эмиссионное пополнение оборотных средств и взаимозачет. Абсолютно неизбежное в условиях такой политики резкое падение курса рубля, ускорение инфляции осенью 1992-го было для него полной неожиданностью. Жесткая, иногда даже резкая по форме полемика Чубайса, наиболее последовательно отстаивавшего реформаторский курс, и Жижи стала неотъемлемым атрибутом в работе правительства второго полугодия 1992-го. Впрочем, зла на Георгия Жижу не держу, не его вина, что он превысил уровень своей компетенции.

Силовые министерства, по российской традиции, обращаются в Совет министров в основном по хозяйственно-финансовым вопросам. Но в условиях кризисов премьеру постоянно приходится решать и другие проблемы.

Быстро убеждаюсь: важнейшая проблема в российской государственной машине этого времени — страстное нежелание кого бы то ни было принимать решения, стремление застраховаться, снять с себя ответственность. В процессе проводимых совещаний по развитию событий, скажем, на границе с Грузией, в Северной Осетии и Ингушетии, в Таджикистане, если жестко не потребовать действия, не надо удивляться, что военные будут кивать на МВД, МВД на Министерство безопасности и так дальше до бесконечности.

Отнюдь не переоценивая своего таланта в организации переброски дивизий, очень быстро понимаю: либо в таких ситуациях буду брать ответственность на себя, действовать, докладывая о принятых решениях президенту, либо в тягучей атмосфере взаимных кивков друг на друга так ничего сделано и не будет. Именно так пришлось действовать, например, в Кабардино-Балкарии, где летом 1992 года пытались повторить чеченский сценарий 1991-го. Необходимо было срочное подкрепление внутренним войскам, а МВД с Минобороны спорили о том, кто

это должен делать и есть ли у Минобороны возможность обеспечить авиационный транспорт. Пришлось брать координацию на себя, усаживать вместе руководство МВД и Генштаба, заставлять действовать. В целом ситуацию удалось стабилизировать.

Тяжелая заноза в памяти — 1992 год, ноябрьский ингушско-осетинский конфликт. Хорошо помню, как все это началось. Впервые за несколько месяцев решил в воскресенье выпасться, не ходить на работу. Рано утром звонок. На границе Ингушетии и Осетии масштабные беспорядки. Захвачено вооружение батальона внутренних войск. Идет бой. Министерство безопасности назревающую взрывную ситуацию блестяще прозевало. Узнаем о происшедшем как о свершившемся факте. Возникает реальная угроза получить новый Карабах с хроническими боевыми действиями, но уже на территории России. Президента нет, он в поездке по стране.

Связываюсь с Генштабом, прошу срочно обеспечить переброску десантников. Звоню Виктору Ерину, спрашиваю, в какие сроки он может перебросить туда дополнительные внутренние войска, говорю, что военные в полном объеме помогут авиацией. Поручаю Георгию Хиже срочно вылететь во Владикавказ, возглавить оперативную группу правительства на месте, даю ему в помощь Сергея Шойгу, председателя Комитета по чрезвычайным ситуациям, превосходно зарекомендовавшего себя в ходе проведения миротворческих операций в Южной Осетии и Грузии, в Молдове. Раскрутив машину, еду на аэродром встречать Бориса Николаевича, докладывать ему ситуацию.

Во Владикавказе крупные беспорядки. Огромные толпы на улицах, люди требуют оружия. Хижа и Шойгу связываются со мной, докладывают: если что-то немедленно не придумать, ситуация выйдет из-под контроля. Склады вооружения просто захватят. Беру на себя нелегкую ответственность, прошу их пообещать выдать оружие, но не сейчас, а утром,

и не стихийно, а в организованном порядке — только по представлении документов воинского учета, через военкоматы, в рамках пополнения частей МВД. Толпа успокаивается.

В целом войска действуют достаточно быстро, решительно. Открытые боевые действия удастся притушить, нового Нагорного Карабаха явно не будет. И вместе с тем, допускаем две серьезные ошибки. Во-первых, размещение нашего представительства во Владикавказе, столице одной из противоборствующих сторон, что вызывает у ингушей подозрение в пристрастии федерального центра к осетинам. Во-вторых, медлительные действия руководства внутренних войск привели к тому, что в ингушские села вошли не федералы, а осетинская милиция. Нетрудно представить, какой бедой это обернулось. В Назрани никто из высокопоставленных сотрудников российского правительства так и не решился появиться. Поэтому принимаю решение немедленно вылететь на место, побывать и в Назрани, и во Владикавказе, повстречаться с военными, разобраться в ситуации,

Первым делом направляюсь в Назрань. Еду на бронетранспортере внутренних войск. Зрелище не для слабонервных. Видны следы настоящего боя, разрушений, в Пригородном районе множество горящих домов. Нетрудно догадаться, что в первую очередь — ингушских. На границе с Ингушетией встречает Руслан Аушев. Хорошо его знаю как председателя Комитета ветеранов афганской войны государств Содружества. Он только что срочно прилетел в Ингушетию. Пытается как-то стабилизировать обстановку, но, по-моему, сам еще очень слабо понимает, что произошло и что происходит, Руслан говорит, что на бронетранспортере дальше ни в коем случае ехать нельзя — подстрелят. Сажусь в его машину, он — за рулем. Центральная площадь в Назрани запружена беженцами, тысячи несчастных людей, ставших жертвами политиканов, что разыгры-

вали самую простую и вместе с тем самую опасную в политике карту радикального национализма. По дороге Аушев пытается выяснить мое мнение, кто стоит за всей этой страшной кровавой катавасией. К сожалению, ничем не могу ему помочь, доклады Министерства безопасности — по-прежнему свидетельствуют о полнейшей беспомощности. I

Потом — переговоры с ингушскими лидерами и с прибывшей в Назрань, чтобы предотвратить распространение боевых действий на территорию Чечни, делегацией чеченского правительства во главе с Яраги Мамадаевым. Тяжелый разговор с людьми на площади. По крайней мере, удается добиться одного — у ингушей исчезает убежденность, что для российских властей в этом конфликте есть заведомо правая и заведомо неправая стороны.

Во Владикавказе встречаюсь с военными, с руководством республики, Верховным Советом, Временной администрацией по обеспечению чрезвычайного положения. Мы, как российские власти, категорически не можем принять принцип коллективной национальной ответственности. Считаем, что возвращение беженцев-ингушей в Пригородный район — первоочередная задача Временной администрации. Осетинским руководителям все это явно не по душе. Ясно, что процесс пойдет непросто. Тем не менее позиция российских органов власти должна быть четко сформулирована и помощь Осетии в решении многочисленных проблем, с которыми она сталкивается, — увязана с сотрудничеством руководства республики в возврате беженцев, в создании для них нормальных условий жизни там, где их дом, родина.

К сожалению, после моей отставки российское правительство последовательно провести эту линию не сумело.

Еще одно место, требующее постоянного внимания российских органов власти, — Таджикистан. В 1992 году там нарастает хаос, постепенно переходя-

щий в открытую гражданскую войну. Друг другу противостоят две силы; одну из них с большой долей условности можно назвать коммунистами, другую — исламистами. Исламисты сильнее в Гарме, Нагорном Бадахшане, коммунисты — в Кулябе. Обе стороны пытаются втянуть в конфликт дислоцированную в Таджикистане 201-ю дивизию, по меньшей мере — завладеть ее вооружением. Серьезнейшая проблема состоит в том, что дивизия в основном укомплектована российскими офицерами и местными солдатами. Именно их-то и хотят с разных сторон вовлечь в конфликт.

Русскоязычное население бежит из охваченной хаосом республики. Но доходят сведения, что местные власти этому препятствуют. Поступает информация о готовности наиболее радикального крыла исламистов использовать русских, живущих в республике, в качестве заложников. Беда еще в том, что мы не можем положиться на наши источники информации о положении в Таджикистане. В Министерстве безопасности, как всегда, нет точных данных, у Службы внешней разведки данные ненадежны, а от недавно образованного в Душанбе посольства с интервалом в несколько дней поступают полностью противоречащие друг другу сведения. Принимая решение вылететь в Душанбе, на месте самому разобраться в ситуации и понять, что же нам там делать. После встречи президентов государств СНГ в Бишкеке, где подробно обсуждалась критическая ситуация, сложившаяся в Таджикистане, лечу прямо в Душанбе.

В городе атмосфера мрачная, напряженная. У встречающей правительственной охраны такой вид, что непонятно, то ли собираются перестрелять нас, то ли друг друга. Проводим переговоры с правительством Таджикистана, потом — беседы в 201-й дивизии, с ее командиром генерал-майором Ашуровым, с офицерами. Летим на вертолете над горящим Курган-Тюбе, где идет бой, в отряд к пограничникам.

Общий вывод после всех этих бесед: правительство Абдумалика Абдуладжанова ситуацию в стране не контролирует. Если не предпринять решительных действий, 201-я дивизия будет втянута в конфликт. В тот день, когда я был там, один из солдат кулябцев угнал танк. Повел его на помощь своим. И такое уже не в первый раз. Необходимо срочное усиление дивизии и пограничников российским личным составом. Ясно, что развитие событий в ближайший месяц будет носить чисто силовой характер. Угроза для русскоязычного населения республики реальна.

Прилетев в Москву, доложил ситуацию президенту. Договорились принять меры по усилению 201-й дивизии, с тем чтобы превратить ее из заложницы противостоящих сил в дееспособную боевую единицу, не допустить втягивания ее боевой техники в войну. Руководить операцией было поручено первому заместителю главнокомандующего Сухопутных сил генерал-полковнику Эдуарду Аркадьевичу Воробьеву. Он прекрасно проявил себя до того в качестве руководителя миротворческих сил в Молдове. Этот подчеркнуто интеллигентный генерал с мягким, даже не командным голосом принадлежал к ограниченному кругу тех военачальников, которых почему-то всегда направляют на самые тяжелые, опасные участки. В 1992-1993 годах он и заместитель министра обороны генерал-полковник Кондратьев чаще всего оказывались в таком положении.

Мой опыт общения с военачальниками в условиях кризиса подтверждает, что в армии действует та же закономерность, что и в гражданской жизни, — показная решительность и громкий командный голос отнюдь не всегда свидетельство способности четко и организованно действовать в условиях высокого риска.

Параллельно, на крайний случай, создали группу подготовки к реализации мероприятий по экстренной защите и, при необходимости, эвакуации рус-

скоязычного населения из Таджикистана. Возглавил группу заместитель председателя правительства Валерий Махарадзе. Подключили Госкомитет по чрезвычайным ситуациям, Министерство путей сообщения, подготовили поезда, транспортные маршруты, принципиально договорились с президентом Узбекистана Исламом Каримовым о координации действий в экстремальной ситуации.

Обстановка в республике продолжала накаляться, случаи захвата русских заложников, в том числе и детей, из угрозы стали реальностью. Эдуарду Воробьеву, Сергею Шойгу, вылетевшим на место, в расположение 201-й дивизии, приходилось действовать жестко, с предельной решительностью. Проведенная операция по усилению дивизии и погранотряда российским рядовым составом позволила прекратить растаскивание сконцентрированных там вооружений. Несмотря на то, что гражданская война в Таджикистане с тех пор продолжается уже больше четырех лет, крупномасштабную разовую операцию по эвакуации оттуда русского населения проводить не пришлось.

Как опасно могут развиваться события при отсутствии систематических усилий по обеспечению тесного взаимодействия силовых структур, показали в следующем году трагические события в том же Таджикистане, когда при поразительной медлительности и неповоротливости Министерства безопасности там была почти полностью уничтожена одна из российских застав.

Хорошо это понимал, поэтому, при необходимости, всегда был готов взять ответственность на себя. Но когда экстремальная, кризисная ситуация чуть отступает, задумываюсь о происходящем, понимаю, что сам попадаю под действие принципа Питера. Ну с какой стати, вместо того чтобы выстраивать финансово-денежную политику, именно должен заниматься перебросками войск, в которых, право слово, никогда не мнил себя специалистом?

И все же, на фоне всех кризисов главная забота правительства — угроза гиперинфляции. В борьбе с ней нам пришлось потерпеть серьезные поражения, но сражение не было проиграно.

С 1 июля 1992 года был введен, а к началу осени в масштабах всей рублевой зоны в полном объеме заработал механизм корреспондентских счетов. Теперь мы могли не только получать сведения о денежных потоках, но и оперативно, в ежедневном режиме, их контролировать. Центральный банк России обрел наконец инструмент для регулирования динамики денежной массы в России. Денежные взаимоотношения с другими республиками стали сферой сознательного выбора и политических решений, а не соревнованием в темпах эмиссии.

С июля же после обособления российского денежного оборота была введена конвертируемость по текущим операциям, отменена принудительная продажа 40 процентов валютной выручки Министерству финансов по заниженному официальному курсу. Завершив переговоры с Международным валютным фондом, Россия получила наконец первый миллиард долларов кредита на пополнение валютных резервов.

Серьезно изменилось продовольственное положение. Приличный, более высокий, чем в 1991 году, урожай, возросший объем госзакупок в сочетании с заработавшим рынком позволили государству снять с себя значительную часть забот о продовольственном обеспечении населения. Безналичный национальный рубль вновь сделал продовольственный экспорт в Россию привлекательным для государств СНГ. В целом к концу лета стало ясно — угроза продовольственной катастрофы, столь серьезная год назад, перед страной больше не стоит. Нет больше и угрозы налично-денежного кризиса, что снимает крупнейший источник социальной напряженности.

Предприятия начинают постепенно приспосабливаться к радикально изменившимся реальностям,

в том числе к резко сократившемуся объему оборонного заказа, новым ценовым пропорциям. Ослабевает шоковое воздействие удара, нанесенного банкротством Внешэкономбанка,

К началу осени определенную дееспособность обретают российские силовые структуры. Формирование Министерства обороны, перевод армии под российскую юрисдикцию — пусть тяжело, с неприятием, сопротивлением — все это меняет к лучшему ту предельно опасную ситуацию, при которой вооруженные силы в конце 1991 — начале 1992 года оказались просто бесхозными. В работе с военными одной из важнейших задач я считал преодоление в их среде сформировавшейся, и не без оснований, психологии "крайнего", когда после Баку, Тбилиси, Вильнюса политическое руководство раз за разом стремилось спрятаться за спины военных от ответственности, переложить ее на них. Именно поэтому, требуя энергичных действий по защите складов оружия, я подписал постановление правительства, дающее армии право в случае нападения без колебаний открывать огонь на поражение.

Миротворческая операция по разведению сил в грузино-осетинском противостоянии в Южной Осетии стала, пожалуй, первым за все эти годы примером успешного смягчения опасного межнационального конфликта.

В системе силовых структур, как мне кажется, наиболее серьезные проблемы для нас возникали в Министерстве безопасности. Неуверенность в надежности его работы ставила правительство в непростое положение. Я предпринимал постоянные, но, как правило, бесплодные попытки получить от этого ведомства информацию о коррупции в министерствах, аппарате правительства. Кроме лирических рассуждений о том, что с коррупцией надо бороться, добиться ничего не удавалось. Поначалу думал, что более содержательная информация поступает к президенту. Несколько раз говорил с ним об

этом. Объяснял, как трудно правительству работать в потемках, ходить по минному полю без миноискателя. Потом понял, что и у него надежной информации нет. Зато любые закрытые или открытые правительственные и президентские бумаги немедленно попадали в коммунистические и нацистские газеты. В общем, если МБ и работало, то явно не на нас. К сожалению, в это время президент еще вполне доверял Виктору Баранникову, полагал, что тому пока просто не удастся овладеть рычагами управления в бывшем КГБ. Нашумевшая история, выявившая собственную причастность министра безопасности к коррупции, стала известна значительно позже. Это уже сюжет из 1993 года.

К лету 1992 года явно обозначился перелом и во внешнеполитическом положении страны. Целиком и полностью зависеть в снабжении хлебом от кредиторов, хорошо знающих о твоей неплатежеспособности, и пытаться при этом на переговорах надувать щеки — не слишком завидная позиция. Теперь нормализация продовольственной ситуации, рост валютных резервов позволили распрячиться и не тянуть так откровенно руку за подаянием,

Уже на встрече Большой Семерки в Мюнхене с участием России мы в разговоре переносим акцент с многомиллиардных кредитов, увеличивающих и без того нашу чрезмерную задолженность, на открытие западных рынков для российских товаров. В переговорах с американскими партнерами акцентирую внимание на дискриминационной практике ограничения доступа на их рынок российского урана, космической техники. С европейцами — на подготовке приемлемого варианта договора между Россией и Европейским сообществом.

Но наиболее разительные изменения происходят в отношениях с государствами Содружества. После введения российского безналичного рубля их замкнутая в свои национальные рамки эмиссионная политика, эксперименты с "мягким вхождением в

рынок", с финансовой "поддержкой производства" подхлестывают инфляцию уже не в России, а у них дома и быстро обесценивают национальные валюты по отношению к рублю. И тут выясняется: чтобы расплатиться за поставки из России, нужно сделать такую элементарную вещь, как продать туда свои товары и получить за них российские деньги. Еще недавно оптимальная стратегия всемерного ограничения экспорта в Россию, переключения его на любые другие рынки теперь начинает давать явный сбой. Резко растет интерес к российскому рублю, российскому рынку, экономической кооперации с Россией, хотя еще предельно неустойчивая, но свободно конвертируемая российская валюта создает наконец новый стержень интеграционных процессов в СНГ, способных заменить распавшуюся принудительную кооперацию.

При решении самых срочных и болезненных проблем в отношениях с соседями по СНГ, таких, как проблема Черноморского флота, нарастающая сила конвертируемого рубля и стремительное обесценивание купона заметно сказываются на ходе и результатах переговоров. Реальную почву обретают проекты создания зоны свободной торговли, таможенного союза, координации денежной политики.

Подводя итоги этому сложному году поражений и побед, можно сказать, что правительство, отступившее в мае-августе, затем серьезно укрепило свои позиции, создало основные предпосылки успеха стабилизационной политики. Введена национальная конвертируемая по текущим операциям валюта, начали восстанавливаться валютные резервы, достигнуто приемлемое, несравненно более благоприятное, чем год назад, соглашение с кредиторами об отсрочке выплаты по союзному долгу, сложилась система работающих рынков, снята продовольственная проблема, развернута приватизация, быстро растет частный сектор.

Теперь, вроде бы, можно уверенно двинуться по

этому пути, снижая темпы инфляции. Но это лишь видимость. Слишком тяжелым был этот год, слишком много было борьбы, со многими пришлось испортить отношения. К тому же забрезживший, как говорится, свет в конце туннеля вызвал у многих желание отнять у нас руль и порулить самим, теперь это уже было не так опасно, как в начале пути.

В одном из своих первых интервью, в ноябре 1991 года, я сказал, что, по всей видимости, вынужден буду уйти в отставку в конце 1992 года и что вероятным поводом для этого станут бюджетная политика, разногласия с Верховным Советом. Прогноз, этот оказался довольно точным.